

Автор Михаил Хазин:

Я уже достаточно много описывал муки современных «мэйнстримовских» экономистов и политиков, которые не могут ничего сказать о современном кризисе и в результате попали в совершенно идиотическую ситуацию: кризис набирает силу, а они молчат, как воды в рот набрали. Сказать правду они точно не могут, это равносильно признанию в собственной некомпетентности и даже, не побоюсь этого слова, бессмысленности, вот и приходится выбирать меньшее зло: посреди всеобщего пожара делать удивленные лица и спрашивать всех окружающих: «А что тут, собственно говоря, случилось?»

Впрочем, обсуждать этих персонажей уже достаточно неинтересно: с ними, в общем, все ясно. Но есть один вопрос, который так и остается непроясненным: а что, в узком кругу людей, которые принимают конкретные решения по конкретным вопросам, они что, так же себя ведут? Поверить в это совершенно невозможно. Значит, что-то они там говорить друг другу должны. Например, о том, как стимулировать рынок ипотеки в США. Или не стимулировать, и тогда, что делать с «плохими» долгами, частными банкротствами и дефолтами и прочими разными проблемами, например, ростом безработицы.

Автор настоящей заметки имеет некоторую возможность получать информацию о том, что и как понимают эти люди, и по этой причине сейчас можно примерно описать общую модель их поведения. Грубо говоря, смысл их понимания действительности выглядит примерно так. Ключевой проблемой современной экономики США является рынок недвижимости, поскольку именно на покупки домов домохозяйства тратят максимальные объемы своих доходов. Но сегодня этот рынок находится в сильно неравновесном состоянии: уровень цен и объем сделок сильно превышает возможности населения, уровень доходов которых падает, в том числе и из-за резкого сокращения кредитования. И американские чиновники уже отлично понимают, что и у финансовой системы, и у государства, нет ресурсов на то, чтобы поддерживать этот перекос. То есть, иными словами, рынок будет продолжать падать до тех пор, пока не придет в равновесное состояние.

Понимают они и масштаб этого падения, которое составит примерно 50% от максимального уровня. Дальше тут могут быть различные варианты, оптимисты могут считать, что объем падения составит 40%, пессимисты – что 60%, но суть-то от этого не

изменится. А это значит, что главной задачей властей является сделать так, чтобы этот спуск происходил как можно более равномерно, без рывков и, по возможности, без эксцессов, без паники. Соответственно, они и говорят о том, что кризис «заканчивается», что «все будет в порядке», и стремятся, чтобы, не дай Бог, дело не закончилось стремительным оттоком капитала и резким падением рынка с массовыми банкротствами и отъемом жилья, и максимально компенсируют, в меру своих возможностей, негативные последствия этих процессов.

Так что мотивы и смысл деятельности властей понятны. Другое дело, что у них нет ответа на другие очень важные вопросы. В частности, можно ли сегодня найти какие-то другие источники пополнения частного спроса и как можно будет начинать развитие рынков после того, как равновесное состояние между спросом и доходами будет достигнуто. «Мэйнстримовские» эксперты пичкают их обещаниями, что все вернется «на круги своя», однако и тут реальные руководители уже начинают сомневаться: уж больно часто их обманывали в последнее время.

Читатели настоящей колонки, конечно, понимают, что никакого «восстановления» уже быть не может, поскольку парадигма развития в рамках научно-технического прогресса уже исчерпана. Даже в 30-е годы прошлого века выход из «Великой» депрессии произошел не сам собой, а только в результате распада конкурентных технологических зон: Германской, Японской и Британской. Но сегодня таких альтернативных зон просто нет, а значит, аналог «Великой» депрессии, который неминуемо начнется после того, как спрос придет в равновесное состояние с сильно упавшими за время кризиса доходами, может продолжаться очень долго.

Ключевое слово здесь должна сказать экономическая наука, но она в последние десятилетия, как мы уже неоднократно писали в других текстах, пребывает в крайне застойном состоянии: монополия монетаризма (понимаемого в самом широком смысле) резко ослабила возможности науки по объяснению реальных процессов, проистекающих в экономике. И в заключение можно только выразить надежду, что те возможности для развития альтернативных монетаризму экономических школ, которые вроде бы начали появляться в последнее время, дадут серьезный импульс изучению реальных процессов, определяющих нашу настоящую и будущую жизнь.

Source